

ИЗМЕНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КАК КАТЕГОРИИ СОЦИОЛОГИИ ПРАВА

© 2012 г. Вячеслав Николаевич Жуков¹

Краткая аннотация: в статье рассматриваются содержание и роль категорий изменения и развития в методологическом обеспечении социологии права. Показывается значение темы мобильности социальных процессов для развития социологии права. На конкретных примерах демонстрируются возможности социолого-правового исследования темы мобильности политико-правовых институтов.

Annotation: It's described the content and role of the categories of change and development in methodological ensuring of the sociology of law. It's shown the value of the mobility theme of social processes for the development of the sociology of law. It's demonstrated the examples of the socio-legal study of the topic of mobility of political and legal institutions.

Ключевые слова: социология права, юридические категории, социальное время, социальное пространство, социальное изменение, социальное развитие, социальные процессы, прогресс, регресс.

Key words: sociology of law, legal categories, social time, social space, social change, social development, social processes, progress, regress.

Социология бурно развивалась в дореволюционной России и первые годы Советской власти. Начиная с 1930-х годов, социологическую науку начинают насильно растворять в историческом материализме советского покроя. Весь советский период социология мыслилась как составная часть марксистского обществоведения без всяких претензий на отраслевую самостоятельность. Социология понималась либо как марксистско-ленинское учение об обществе, либо как прикладные социологические исследования. Примерно такая же картина наблюдалась с частными социологическими дисциплинами (социологией искусства, социологией религии, социологией политики, социологией права и др.).

За последние 20 лет в нашей стране наблюдается процесс становления социологии. Оживилась исследовательская деятельность: заметно выросло число статей, выпущены монографии, вышло большое количество учебников и учебных пособий. Есть все основания утверждать, что социология у нас фактически рождается заново. Не возрождается после длительного перерыва, а именно рождается заново. Дело в том (и это удивительно), что научный потенциал отечественной социологической мысли (дореволюционной и советской) практически не востребован. Создается впечатление, что его игнорируют. Дореволюционные источники игнорируют, видимо, как устарев-

шие, а советские – как идеологизированные и потому не внушающие доверия. В качестве базового образца избраны американские социологи второй половины XX в. Интересно, что “не у дел” оказалась даже французская и немецкая классическая социология второй половины XIX – первой трети XX вв. (а это и есть исторически первая и подлинная социология).

Социология права также сейчас формируется заново, но процесс этот идет иным путем. В основном она опирается на разработки советских юристов и в целом понимается как социология правотворчества и правоприменения, т.е. как часть общей теории государства и права. Возражений здесь особых нет, но очевидно, что такой узкопрофессиональный подход обедняет социологию права. Представляется, что перед нашей социологией права стоит задача освоить темы, идеи и методологический аппарат классической социологии (европейской и русской) и на этой основе расширить ее границы. В настоящей статье предпринята попытка такой междисциплинарной ассимиляции.

Пространство и время как свойства социальной материи

Социология предполагает рассмотрение социальных явлений как системных объектов, как структуру элементов, функционально между собой связанных. Еще со времен О. Конта традицией социологического анализа стало изучение явлений в статике и динамике. Статические

¹ Профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор философских наук.

свойства социальных систем неразрывно связаны с категорией пространства, динамические – с категорией времени.

Проблема пространства и времени – философская проблема. В истории философии эта тема всегда была предметом пристального внимания и широкого обсуждения. Разброс мнений здесь (как всегда в философии) предельно широкий (вплоть до полярных), общего знаменателя нет. Вместе с тем даже полярные взгляды на феномены пространства и времени позволяют точнее определить их свойства, лучше понять методологические возможности данных категорий при использовании другими науками, в частности социологией права.

Все многообразие подходов может быть сведено к двум основным концепциям: субстанциальной и реляционной. Согласно первой пространство и время рассматриваются как самодовлеющие сущности, как субстанции, существующие сами по себе. Так, философы-идеалисты отрицают зависимость пространства и времени от материи, рассматривают их либо как формы индивидуального сознания (Беркли, Юм, Мах), либо как априорные формы чувственного созерцания (Кант), либо как категории абсолютного духа (Гегель). С позиции реляционной концепции, напротив, пространство и время – особый род отношений между объектами и процессами, это единство пространства, времени и материи. Данная концепция была подкреплена теорией относительности, которая обнаружила неразрывную связь пространства и времени между собой.

Поскольку обе концепции упираются в неразрешимость главных вопросов философии (о первичности идеального или материального и о познаваемости мира), ни одна из них не может претендовать на абсолютную истину. Вместе с тем каждая из концепций имеет свой эвристический потенциал, который по-своему используют социологи.

К всеобщим свойствам пространства относятся протяженность, означающая рядоположенность и сосуществование различных элементов, возможность прибавления к каждому данному элементу некоторого следующего элемента либо возможность уменьшения числа элементов. Протяженной можно считать любую систему, в которой возможны изменения характера связей и взаимодействия составляющих ее элементов, их числа, взаимного расположения и качественных особенностей. В этом смысле пространство всегда связано со структурой материальных систем.

Время одномерно, асимметрично, необратимо и направлено всегда от прошлого к будущему.

Его специфическими свойствами являются конкретные периоды существования тел от возникновения до перехода в качественно иные формы, одновременность событий, которая всегда относительна, ритм процессов, скорость изменения состояний, темпы развития, временные отношения между различными циклами в структуре систем².

Таким образом, время есть мера фиксации изменения состояний системных объектов. Время не абсолютно, оно меняется в зависимости от структуры и других свойств данных объектов. Любая материальная система существует и развивается по своему собственному времени. Можно выделить космическое время (отражает ритмы Вселенной и Солнечной системы), геолого-географическое (показывает этапы развития Земли), биологическое (ритмы жизни живых организмов) и, наконец, социальное время (фиксирует процессы, проходящие в обществе). Пространства физического, биологического и социального миров имеют свое собственное время.

Разделить пространство и время различных системных объектов можно только в сфере мысли, умозрительно, в реальности мы имеем наложение различных видов времени и пространства друг на друга. Так, социальное пространство и время, безусловно, имеют свою специфику и вполне могут рассматриваться автономно, без учета действия космоса и биосферы (например, историческая наука, как правило, так и делает). Однако человек, общество – неотъемлемые части природы и космоса, и на них в полной мере распространяются особенности пространства и времени этих глобальных систем. Задача социологического исследования как раз и состоит в том, чтобы дифференцировать пространственно-временные характеристики различных объектов и устанавливать их взаимодействие и взаимовлияние.

Пространство и время социальных систем отличаются значительными особенностями, важнейшая из которых – одновременное существование в материальной и идеальной сферах. В качестве эмпирических объектов социальные системы обусловлены двумя главными факторами – инстинктами и материальными интересами людей. Индивидуальное и массовое поведение приобретает форму стандартов и процедур прежде всего под воздействием факторов, влияющих на физическое выживание людей как биологического вида. Производство, власть, брачно-семейные

² См.: Пространство и время // Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 519–521.

отношения не терпят хаоса, здесь человек всегда стремился к регламентации, упорядоченности поведения. Иными словами, в материальной жизни человеческих коллективов господствуют детерминизм, причинно-следственные связи, что делает их сходными с природными процессами. В этом случае пространственно-временные характеристики социальных систем вполне сопоставимы с обычными физическими величинами. Народы, страны и государства занимали или занимают вполне определенную территорию и в конкретное время.

Совсем другое дело – идеальная, духовная сторона жизни людей, включающая рациональный и иррациональный компоненты. Сознание и бессознательное в человеке – особая сфера, где детерминистские связи во многом утрачивают свою роль, а воля, эмоции и интуиция приобретают первостепенное значение. Сознание и воля творят свой собственный, человеческий мир, мир культуры, качественно отличающийся от мира природы. Здесь пространство и время отличаются такими свойствами, как бесконечная вариативность, уникальность, субъективность. Видов пространства и времени может быть столько, сколько существует человеческих коллективов. Каждая социальная система способна породить свое собственное представление о пространстве и времени.

Сложность для социологии права состоит в том, что при анализе пространственно-временных характеристик политико-правовых явлений необходимо учитывать наложение материальной и идеальной сфер жизни. Если рассматривать государство и право как материальные системы, следует использовать номотетический метод (поиск закономерностей), если подходить к ним как идеальным системам – идеографический (описательный).

Возьмем, например, такое фундаментальное свойство времени, как необратимость. Если рассматривать государство и право как материальные системы, время их развития действительно необратимо. Время необратимо в том смысле, что факт, случившийся ранее, невозможно ни отменить, ни изменить. Например, такие явления политической жизни, как государственный переворот, революция, гражданская война, крах империи, имевшие место в истории страны, невозможно ни предотвратить, ни изменить, ни сделать бывшее не бывшим. Можно пытаться бороться с последствиями этих явлений, снова восстановить империю и посадить на престол свергнутого монарха, но это будет уже другой отрезок времени. Время

распространяет свое абсолютное господство над людьми, а значит, и над институтами, ими созданными. В эмпирической жизни по-другому не бывает.

Если обратиться к области сознания и подсознания, то необратимость времени не кажется такой абсолютной. Мысленно мы вполне можем переместиться в прошлые эпохи и заново пережить тот или иной исторический факт, быть участником или наблюдателем того или иного исторического события. Отдельные индивиды, большие и малые социальные группы в своем сознании могут многократно, бесконечное количество раз возвращаться во времени в прошлое, доказывая тем самым его обратимость. Так, историческая память народов постоянно возвращает их к социальным катаклизмам, оказавшим влияние на их судьбу.

В известном смысле общественное сознание – более консервативный феномен, чем эмпирические формы социального бытия. Например, современная Европа по основным своим параметрам (наука, техника, быт, семейные отношения, государственное устройство, право) разительно отличается от эпохи средневековья, так что есть основания говорить даже о двух разных цивилизациях. Вместе с тем архаичные пласты общественного сознания западных европейцев постоянно проявляют себя. Что такое прецедентное право как не бесконечный возврат в свое прошлое? Судья, решающий дело согласно прецеденту трехсотлетней давности, как бы обращает современность вспять, в который раз воспроизводя стереотип средневекового поведения и мышления. В прецедентной системе права время (а с ним и общественная практика) движется назад, а не вперед. Другой пример – нацистская Германия. В стране высокой культуры и духовности вдруг проснулось сознание древних германцев, обуреваемых страстью разрушения и завоевания. Третий Рейх продемонстрировал движение немцев вспять, к своим истокам, обнаружил их стремление сломать необратимость времени.

История изобилует примерами, когда консервативное сознание сдерживает социальное развитие, потому что сознание все еще находится в прошлом. История, государство и право вполне могут поворачиваться вспять, если сознание людей обращается назад и хочет восстановить прошлое. В этом проявляется специфика социального времени.

Важная особенность социального времени – его неравномерность. Исторические эпохи, культуры и народы отличаются друг от друга во многом потому, что у них разная скорость протекания

времени, разные его темп и ритм. Социальное время способно ускоряться, как бы уплотняясь при этом, или замедляться вплоть до впечатления его полной остановки. Так, этнология знает много первобытных народов, появившихся тысячелетия назад и остановивших свое развитие на стадии каменного века. Народы Запада и Востока отличаются друг от друга, в частности, скоростью протекания времени. На мусульманском Востоке время не просто движется медленно, оно там специально тормозится и даже обращается вспять, чтобы уйти в VII век – время возникновения ислама. Народы Запада, напротив, руководствуясь идеей прогресса и стремясь к новшествам и усовершенствованиям в области науки, техники и общественных отношений, постоянно ускоряют ритм жизни. Процессы глобализации несколько выравнивают скорость протекания времени, но в основном между многими странами и регионами различие в восприятии времени продолжает оставаться существенным.

Признание неравномерности времени – важная методологическая посылка для, например, сравнительного правоведения и государствоведения. Наличие собственных часов, собственного критерия времени в той или иной правовой культуре говорит нам о ее самодостаточности и самоценности. Всякая самобытная культура вырабатывает собственные критерии своей оценки. Так, социолог права, сопоставляя, например, мусульманское право и англосаксонское, неизбежно оказывается в затруднительном положении: сравнить нормы, институты и процедуры двух правовых систем, базирующихся на противоположном (во многом) мировоззренческом и культурном опыте. Здесь всегда возникает соблазн вольно или невольно возвысить одну правовую систему над другой, что будет, конечно, отступлением от принципов подлинной социологической науки.

Для социолога права имеет значение проблема прерывности и непрерывности социального пространства и времени. Пространство и время одновременно прерывны и непрерывны. Они прерывны, поскольку каждая социальная система уникальна, пространство и время заканчивают свое существование со смертью конкретного социального объекта. Однако пространство и время также непрерывны в той мере, в какой непрерывна человеческая жизнь на земле. Отдельные народы, пройдя полный цикл своего развития, исчезли из истории, унося за собой свое социальное время, тем самым прерывая его. Вместе с тем человечество в целом до настоящего времени

демонстрирует свою неуничтожимость, а значит, и непрерывность во времени.

Прерывность и непрерывность во времени зачастую причудливым образом взаимодействуют, что наглядно представлено, например, в русской истории. Российская государственность как протяженный во времени и в пространстве феномен имела различные формы: Киевская Русь, Московское царство, императорская Россия, думская монархия, буржуазная республика, Советская власть и, наконец, современная Россия. Формы разные, а политическое тело одно, формы демонстрируют прерывность, а политический организм – непрерывность.

На первый взгляд мало общего между эпохой Московского царства и современным Российским государством, между советской эпохой, прервавшей время русского феодализма, и императорской Россией. Вместе с тем все формы российской государственности базировались на неизменных ценностях русского народа: преклонение перед властью, патернализм, идея великодержавия. Вектор русской истории всегда указывал и продолжает указывать на авторитаризм как неизменную модель нашей власти. История русского государства и права не прерывалась в том смысле, что и в условиях современной Российской конституции, провозгласившей демократические (западные по своей природе) ценности, народ России продолжает жить по нормам феодальной Руси. Нормы права и императивы власти, не записанные на бумаге, а действующие в реальной жизни, во многом продолжают оставаться средневековыми. За современным, цивилизованным (казалось бы) гражданским и уголовным законодательством стоит архаика русского средневекового правосознания представителей власти и подвластных (ведь это один народ). Правоприменительная практика – яркое тому подтверждение. Здесь русская история, политико-юридическая деятельность русского народа обнаруживают свою несомненную непрерывность.

Глядя на механизм правового регулирования в современной России, не раз вспомнишь классиков социологии права (Е. Эрлих, Л.И. Петражицкий, М. Ориу), которые констатировали неустранимый разрыв между официальным законодательством, исходящим от государства, и нормами, спонтанно рождающимися в обществе и его институтах. Если в законодательстве отражаются цели, провозглашенные государством, то в нормах, созданных самими социальными группами, – глубинные традиции народа. Между этими нормативными системами всегда существует конфликт (в боль-

шей или меньшей степени), где победителем, как правило, выходит архаичная нормативность широких народных масс.

Тема времени связана также с проблемой настоящего, рамки которого весьма подвижны. Всякое настоящее относительно, утверждает польский социолог П. Штомпка, так как реальность постоянно меняется. Строго говоря, настоящего не существует, поскольку социальные процессы имеют длительность и в каждый рассматриваемый момент непрерывно переходят из будущего в прошлое, они уже в прошлом или больше уже не в будущем. Как бы ни была мала взятая нами шкала времени, всегда есть движение, поток, а не замороженное состояние³.

Политико-юридическая деятельность, происходящая в настоящем, творит историю, связывая будущее с прошлым. Так, закон, принятый сегодня, сразу же становится достоянием истории и намечает вектор развития в будущем. Осознание этого факта повышает ответственность власти за свою деятельность. Здесь уместно вспомнить гегельяно-марксистский тезис о перерастании количества в качество. Постоянно меняющееся время, фиксирующее смену и накопление событий (пусть даже микроскопического значения), рано или поздно способно привести к качественному изменению социальной ситуации. Политико-юридическое событие оказывается внезапным лишь для невнимательного наблюдателя, неожиданность его появления часто бывает подготовлена всем ходом предшествующих событий.

Время плотно вплетено в ткань политико-юридической деятельности. Так, есть тесная связь между временем, институтами и порядком их функционирования. Длительность существования института влияет на его восприятие со стороны населения: чем древнее институт (парламент, суд, церковь), тем больше вызывает доверия. Пребывание президента, правительства или парламента сверх установленных сроков способно породить в обществе мысль об узурпации власти. Имеют значение сроки совершения государственного переворота: затянувшийся государственный переворот может быть истолкован противниками, обществом и международным сообществом как начало поражения и сыграть против заговорщиков. Благодаря времени формируются юридически значимые сроки: сроки содержания под стражей, расследования уголовных дел, рассмотрения дела в суде; время и организация производства,

труда, отдыха, быта; брачный возраст, возраст совершеннолетия, возраст, с которого наступает юридическая ответственность, и т.д.

Социолог права редко оперирует категорией “вечность”, поскольку его внимание, как правило, сосредоточено на обозримых, поддающихся анализу отрезках времени. Социолог использует конечные величины. Вечность – философская категория, введенная для обозначения бесконечности времени, пространства и материи, и на первый взгляд социологу не нужная. Вместе с тем вечность подчеркивает временный характер любой социальной системы, всегда ограниченной по протяженности и длительности своего существования. Социальный объект, помещенный в контекст вечности, воспринимается более реалистично, без ненужных фантазий и домыслов. Когда социолог, рассматривая государство и право, помнит об их конечности и в относительном, и в абсолютном отношении, его мысль наполняется здоровым скепсисом и холодной строгостью. Открытые им функциональные зависимости представляются ему не универсальными, а ограниченными временем и пространством. Кроме того, категория вечности заставляет социолога права искать смысл функционирующей системы, без чего в социологическом исследовании все-таки обойтись нельзя.

Социальные изменения

Социальное изменение – одно из базовых понятий современной социологии, означающее факт перемены системного объекта безотносительно к его направленности. Под социальными изменениями, утверждает П. Штомпка, понимается различие между состояниями одной и той же системы на протяжении некоторого отрезка времени. Он приводит еще три определения социального изменения:

«социальное изменение – это происходящее с течением времени преобразование в организации общества, образах мышления и образцах поведения»;

социальное изменение означает “наблюдаемые с течением времени различия в отношениях между индивидами, группами, организациями, культурами и обществами”;

социальные изменения являются чередованием во времени поведенческих образцов, социальных взаимосвязей, институтов и социальных структур»⁴.

³ См.: Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 70.

⁴ Цит. по: там же. С. 23.

Изменение – универсальное свойство всех материальных и идеальных систем. С точки зрения материализма невозможно представить себе природный или социальный объект, не способный к изменению. Религиозно-идеалистическое мировосприятие допускает существование неизменных субстанций, например, Бога. Данные современной науки дают основания полагать, что любой социальный институт или общество в целом подвержены изменениям, которые, правда, проходят с разной скоростью, темпом и ритмом.

В контексте теории систем всякий социальный институт может быть рассмотрен в статике и динамике, как структура и как совокупность функций. Структура обеспечивает стабильность института, функции влияют на его возможные изменения. Поскольку институт занимает какое-то пространство на протяжении некоторого отрезка времени, он обладает относительно устойчивой структурой. Именно наличие структуры взаимосвязанных элементов позволяет говорить о существовании системного объекта. В противном случае мы имели бы дело с неуловимыми потоками разного рода вещества. Функциональное взаимодействие элементов между собой и системного объекта в целом со средой предопределяет неизбежные изменения данного объекта (прежде всего его структуры). Таким образом, устойчивость и изменение представляют собой единство двух противоположных свойств социального института. Изменение системного объекта является таким же его сущностным свойством, как и структура.

В классической социологии статика и динамика – равноправные атрибуты системного объекта. Однако, как полагает П. Штомпка, многие современные социологи поставили под сомнение такую дихотомию и посчитали необходимым сделать основной упор на динамических свойствах объекта.

Общество, согласно их точки зрения, должно рассматриваться как постоянно длящийся поток событий различной скорости, интенсивности, ритма и темпа. Общество может быть определено как существующее лишь постольку и до тех пор, пока внутри него что-то происходит, идут какие-то процессы; оно не может существовать в неизменном состоянии. Общество должно рассматриваться не как жесткая, твердая система, а как мягкое поле межличностных взаимоотношений. Такое межличностное поле находится в постоянном движении, оно расширяется и сжимается (например, когда индивиды проникают в него или покидают его), усиливается и ослабляется (когда меняется

качество взаимосвязей), сгущается и распыляется (например, когда в нем возникает лидер или когда лидер уступает свои позиции), смешивается с другими сегментами поля или дистанцируется от них (например, когда образуются коалиции и федерации).

То, что социальные институты существуют в качестве реального объекта, – иллюзия, реальны только процессы, а не формы, не жесткие модели. При таком подходе “событие” становится мельчайшей фундаментальной единицей социологического анализа, причем под событием имеется в виду любое моментальное состояние социального поля (либо его сегмента). Между двумя точками во времени, как бы близки они ни были, движение не останавливается. Как бы мы ни сужали шкалу, ограничивая временное расстояние между двумя “срезами”, или “моментальными фотографиями”, общества, это расстояние всегда будет заполнено изменениями. Они происходят непрерывно, и любые два состояния социокультурного поля – и практически совпадающие по времени, и отдаленные – будут качественно различны. Следует вспомнить известную метафору Гераклита о реке, в которую нельзя вступить дважды, поскольку это будет уже другая река. Лишь по взаимному согласию мы можем в своем воображении “заморозить” некоторые важные для наших практических нужд состояния, рассматривать их в качестве единичных событий и говорить об изменениях или процессе как о последовательности таких замороженных, дискретных точек⁵.

Такая позиция отличается крайностью, но она позволяет понять всю значимость социальных изменений для социологического исследования.

Когда речь идет об изменениях, то имеются в виду не все они, а только те, которые меняют качество социального объекта (либо в целом, либо в отдельной его части). Например, прием и увольнение государственных служащих – повседневный, рутинный процесс, который при прочих равных условиях принципиально не меняет функционирования органов государственной власти. С обыденной точки зрения текучесть кадров – несомненное свидетельство изменений, так как в госаппарате работают другие люди. Однако для социологии – это не те изменения, которые способны повлиять на системные свойства институтов государства. Другое дело, если в массовом порядке уходят квалифицированные специалисты, а на их место принимаются люди без специального образования и опыта работы.

⁵ См.: там же. С. 26–31.

В этом случае органы представительной, исполнительной или судебной власти существенно снижают эффективность деятельности, т.е. изменяют свое качество как системные объекты.

Для социолога права сложность задачи состоит в том, что политико-правовые институты и связанные с ними процедуры отличаются многообразием, многоуровневым характером и сложным взаимодействием. Изменения, имеющие разную природу, накладываясь друг на друга, существенно затрудняют установление подлинных причин трансформации социальных институтов. Так, например, коррупция, достигшая во всех институтах современного Российского государства небывалых ранее размеров, стала следствием, как минимум, трех факторов: 1) изменения экономики страны; 2) изменения природы государственной власти в России; 3) изменения сознания общества. Понятно, что на коррумпированность госаппарата повлияли все три причины. Вопрос: в каком соотношении и в какой последовательности? Ответы на эти вопросы дали бы возможность установить очередность задач в борьбе с коррупцией.

Социальные изменения (в том числе государства и права) могут быть классифицированы по видам, типам и формам.

Виды социальных изменений могут быть краткосрочные и долгосрочные, частичные и социальные (касаются всего общества), изменения на макро-, мезо- и микроуровнях. Краткосрочные изменения имеют место на относительно небольшом отрезке времени (реорганизация госаппарата, реформа избирательного законодательства, перестройка политической системы), долгосрочные могут длиться годами и веками (характер взаимоотношений населения и власти, особенности внешней и внутренней политики, этика государственной службы). Частичные изменения связаны с какой-то одной сферой политико-правовой жизни (деятельность органов прокуратуры, полиции или органов государственной безопасности), социальные проявляются в более широких сферах (функционирование госаппарата в целом, состояние правопорядка, законности, общественной и государственной безопасности). Изменения на микроуровне отражают взаимоотношения индивидов внутри малых социальных групп (районное отделение полиции, отдел министерства, департамент аппарата правительства). Мезоуровень характерен для госаппарата или политической системы страны в целом. Макроуровень означает рассмотрение политико-правовых институтов на фоне глобальных изменений в мире как их организационная часть.

Типы социальных изменений классифицируются в зависимости от характера изменений: 1) изменение структуры; 2) изменение функций; 3) изменение подсистем; 4) изменение мотивов индивидуальной и коллективной деятельности; 5) изменение условий существования системы.

Изменение структуры и функций системных объектов – важнейшие среди прочих. Структурные и функциональные изменения можно и нужно рассматривать автономно друг от друга, но следует понимать их неразрывное единство, что, собственно, и дает качественное изменение. Например, изменение структуры правительства в сторону сокращения или увеличения числа министерств с неизбежностью влечет за собой перераспределение функций. Можно представить себе ситуацию, когда структура министерств остается прежней, а их функции перераспределяются, что также может вести к изменению свойств всей исполнительной власти (она становится более или менее эффективной).

Изменение подсистем – также один из заметных факторов, влияющих на изменение системы в целом. Каждый из элементов хотя и связан со всей системой, имеет автономную историю возникновения и функционирования, свои собственные каналы влияния на систему. Так, правовая система общества включает в себя право (источники права, правоприменительные акты, акты толкования), государство (правотворческие, правоприменительные, правоохранительные органы), правосознание, правовую культуру, правовые идеалы, обычаи, традиции, правоотношения, правопорядок. Считается, что ядром правовой системы является право, которое, по мнению многих, объединяет вокруг себя остальные подсистемы и задает им основные параметры. На самом деле это не совсем так.

Действительно, правовая система есть совокупность элементов, в той или иной степени связанных с правом. Для феномена правовой системы показательна та роль, которую играет в ней право. Для огромного числа стран в прошлом и настоящем эта роль крайне незначительна, право там является функцией власти, не имеет самоценного, самодовлеющего характера. Только в современных странах Запада право выступает одним из системообразующих центров общества, и, соответственно, правовая система там может претендовать на относительно самостоятельную роль. Во всех остальных случаях правовая система – условность, так как основное влияние на нее оказывает отнюдь не право, а другие подсистемы: государство, традиции, обычаи, правосознание.

Правовая система – яркий пример того, как изменение подсистем влечет изменение всей системы помимо системообразующего ядра.

На изменение социальных систем заметное влияние оказывают мотивы индивидуальной и коллективной деятельности. Так, в Европе за последние две тысячи лет последовательно сменилось три формации (пользуясь терминами К. Маркса): античная, феодальная, капиталистическая. К. Маркс убедительно показал, что именно сила материальных интересов лежала в основе данных изменений: более высокая производительность труда, возможность получать более высокую прибыль сначала разрушили рабовладельческую систему, затем – феодальную. Капитализм победил и продолжает оставаться самой эффективной экономической системой, потому что обеспечивает наивысшую материальную выгоду и буржуазии, и наемным работникам. Отсутствие материальной мотивации в решающей степени стало причиной разрушения СССР, его политической, правовой и экономической систем. Трудящиеся страны Советов и руководящая ими партийная и советская номенклатура не были в конечном счете заинтересованы в повышении производительности труда.

Один из ключевых факторов, влияющих на изменение социальной системы, – изменение условий ее существования. Пример тому – брачно-семейные отношения и нормы, их регулирующие. Традиционализм и религиозность европейского и русского средневекового быта как нельзя лучше способствовали сохранению семьи и строгой регламентации семейных отношений. Современной женщине вряд ли понравятся нормы “Домостроя”, ставящей ее в полную зависимость от мужа, но для сохранения института семьи это имело благотворное значение. Индивидуализация культуры, европейской и русской, приведшей к юридическому освобождению женщины, поставила под угрозу институт семьи. Современная семья на Западе или у нас – это договор двух равноправных партнеров, которые рвут отношения в случае умаления комфорта одной из сторон. Основа современной семьи – не религиозный страх, обычай предков и чувство долга, а стремление получить максимальный комфорт, удовольствие, материальные и нематериальные блага. Логичный результат освобождения женщины – разрешение государством гомосексуальных браков, отрицающих и здравый смысл, и законы природы. Не случайно именно лесбиянки всегда оказывались (и оказываются) на передовых рубежах борьбы за права женщин. Разрушение института семьи – красноречивый

симптом начавшегося упадка всей западной цивилизации.

Социальные изменения могут проходить в форме эволюции и революции, прогресса и регресса, могут быть линейными, нелинейными, циклическими и т.д.

Совокупность социальных изменений, связанных между собой, последовательно наступающих друг за другом и ведущих к изменению системы в целом, называют социальным процессом. Существует довольно много их классификаций, одну из наиболее детальных предложил П. Штомпка⁶.

Различают два основных вида процессов – направленные и ненаправленные.

Направленные процессы необратимы, часто имеют тенденцию к концентрации, накоплению, каждая последующая стадия отличается от любой более ранней и включает в себя ее результат, каждая более ранняя стадия подготавливает необходимость более поздней. Ненаправленные процессы характерны либо случайностью, либо повторяемостью.

Направленные процессы подразделяются на линейные (постепенные) и нелинейные (предполагают качественные скачки). Линейные, в свою очередь, делятся на однолинейные (процесс придерживается одной траектории) и мультилинейные (процессы идут по нескольким альтернативным траекториям). Однолинейные процессы могут быть восходящими (прогрессивными) и нисходящими (регрессивными).

Понятно, что такое деление очень условно, а виды направленных процессов накладываются один на другой, пример чему – становление демократии в мире. Развитие демократических институтов – процесс одновременно и линейный, и нелинейный. Линейный в том смысле, что за последние несколько веков демократия неуклонно наращивает свои позиции и в странах Запада, и в мире в целом. Но развитие демократии идет также и нелинейным путем, так как зачастую она устанавливалась в результате борьбы, войн и революций. Народы Западной Европы переходили к демократии в основном одним способом (однолинейно) – посредством буржуазных революций. В других странах мира – очень часто вследствие военного вмешательства (Япония после Второй мировой войны), что демонстрирует мультилинейность демократического процесса.

Поскольку прогресс и регресс – оценочные категории, демократию можно рассматривать и как

⁶ См.: там же. С. 31–44.

восходящий линейный процесс, и как нисходящий. Славянофилы, например, считали демократизацию губительной для России, а западники, напротив, – спасительной.

Среди ненаправленных процессов различают случайные (имеют хаотический характер) и циклические. Пример случайного процесса – становление романо-германской правовой системы в странах Латинской Америки или отдельных странах Африки, где политико-правовые институты создавали страны-колонизаторы. Дело случая, что индейские племена американского континента по большей части подпали под влияние Испании и Португалии. Во многом дело случая – процесс формирования политико-правовой культуры России. Сначала – хаотичный выбор христианства в его византийской форме, а с ней – и многих традиций Восточной Римской империи. Затем – нашествие монголов, государственный опыт которых был воспринят русскими князьями.

С большой долей условности циклические процессы можно разделить на процессы замкнутого цикла и открытого цикла (спиралевидные). Процессы замкнутого цикла могут быть регулярными (равные фазы), ускоряющимися (все более укорачивающиеся фазы) и замедляющимися (все более удлиняющиеся фазы). Регулярный замкнутый цикл на исторически коротком отрезке времени демонстрирует работа парламента, его законодательный процесс. Ускоряющиеся и замедляющиеся циклы просматриваются в таком универсальном явлении, как преступность.

Процессы открытого цикла делятся на восходящие (прогрессивные) и нисходящие (регрессивные). Процесс гибели и возникновения государств напоминает циклический с тенденцией восходящего развития. Государства рушились и возникали всегда (это – своеобразный цикл), но с одной общей тенденцией: государство как институт становится все более сильным, совершенным и эффективным. Так, в XIX в. появляется тип государства, опирающийся не на сословия, а на регулярную армию, полицию и чиновничий аппарат. Такие государства также разрушаются, но это не отменяет общей тенденции. Пример цикла с нисходящей тенденцией – периодическая апелляция власти к непосредственной демократии (особенно в кризисных ситуациях) с постепенным затуханием последней (что демонстрируют современные страны Запада).

По характеру движущих сил социальные процессы разделяются на эндогенные (их причины находятся внутри самого процесса, внутри системы) и экзогенные (причины находятся вне

процесса, процесс является ответной реакцией на эти внешние причины), спонтанные (возникают снизу, сами по себе) и спланированные (идущие сверху).

Результатом социального процесса может быть либо трансформация (появление социальной системы нового качества), либо репродукция (воспроизведение системой самой себя, своих элементов или качеств). Репродукция возможна в виде простой репродукции (воспроизведение системы в неизменном виде), расширяющей (воспроизведение системы с ростом количественных показателей), уменьшающей (воспроизведение системы с уменьшением количественных показателей).

Социальное развитие

Социальное развитие – разновидность социального изменения. В отличие от изменения развитие характеризуется необратимостью, направленностью и закономерностью. *Необратимость* означает невозможность, неспособность системного объекта вернуться в одну из фаз его прошлого состояния. Последующая фаза системного объекта никогда не повторит его предыдущих стадий (в отличие от циклического изменения). *Направленность* предполагает определенный вектор социального изменения. Сама природа социальных отношений двигает их вперед в своем развитии. *Закономерность* социального развития складывается из последовательных этапов, каждый из которых предопределяет свойства последующего. Последовательность исторических событий и периодов собственно и задает направленность социальному процессу и делает его необратимым.

Если изменение может и не вести к появлению нового качества объекта, то в результате развития социальная система всегда меняет свое качество. В системном объекте меняются структура, функции или общая устойчивость (способность к выживанию и дальнейшему развитию).

Социальные системы развиваются либо в сторону своего совершенствования, либо – деградации. Сложные системы могут сочетать в себе обе тенденции.

Источник развития может находиться внутри системы или вне ее. Отдельные авторы полагают, что только в первом случае происходит подлинное развитие социальной системы. Во втором – мы имеем дело с адаптацией, реакцией на внешние изменения⁷. Думается, что и эндогенные, и экзо-

⁷ См.: Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М., 2008. С. 458.

генные источники в одинаковой мере могут быть причиной социального развития.

История человечества, отдельных обществ и его институтов демонстрирует нам развитие как свое абсолютное качество. Есть в социальных системах локальные зависимости и циклы, но в целом история общества, государства и права уникальна. История никогда и нигде дважды не повторилась. Нет, не было и не будет двух одинаковых обществ, государств или правовых систем. Государство и право одной страны на разных исторических отрезках своего развития также различны. В этом смысле история общества, государства и права необратима, отличается направленностью и закономерностью.

Развитие государства и права предполагает смену их качества, что одновременно указывает на направление развития – совершенствование или деградацию. Здесь встает вопрос о пределах и сроках развития социальных систем, что переводит социологию права в область философии. Нет сомнений, что существование любого социального организма конечно, а пределы его роста ограничены собственной природой и внешней средой. Свойства человека и человеческих коллективов имеют некие неизменяемые константы, которые и задают основные параметры политико-правовым институтам. Качество государства и права есть результат бесконечно многообразного сочетания конечного ряда человеческих свойств. И совершенствование, и деградация политико-правовых институтов определяются одними и теми же человеческими свойствами, но в разных сочетаниях. Преобладание одних свойств над другими на том или ином историческом этапе формирует магистральную тенденцию развития. Например, Римская империя распалась не только под ударами варварских племен, изменилось качество человеческого материала данного социального организма.

В истории социологии тема развития получила свое оформление в виде двух основных концепций, объясняющих динамику социальных процессов, – эволюционизма⁸ и исторического материализма.

Эволюционизм появляется в XIX в., когда становление профессиональной социологии совпало с бурным ростом естественнонаучного знания.

⁸ *Эволюция* (от лат. *evolutio* – развертывание) в широком смысле – синоним развития; процессы, изменения (необратимого), протекающие в живой и неживой природе, а также в социальных системах (см.: Философский энциклопедический словарь. С. 754).

Социология, претендовавшая на статус подлинной и основной социальной науки, стремилась к строгости и формализации подобно тому, как это было в естествознании. Образцом для подражания стала биология, где (как и в социологии) использовался структурно-функциональный подход. Познание явлений должно было идти по пути изучения их структуры и функций ее элементов. Проведение аналогии между биологическими организмами и обществом и его институтами казалось весьма плодотворным в социологических исследованиях. Кроме того, социология заимствовала из биологии одну из центральных ее идей – эволюцию растительного и животного мира.

Один из основоположников эволюционизма Г. Спенсер обосновал его следующим образом. Реальность в своей основе материальна, она представляет собой единство материи, энергии и движения. Эволюция есть основополагающий и единый принцип всей реальности – природы и общества, это переход от хаотичной гомогенности (однородности) к гетерогенности, что сопровождается процессами рассеяния движения и интеграции материи. Достигается эволюция средствами структурно-функциональной дифференциации: 1) от простоты к сложности; 2) от аморфности к четкости; 3) от гомогенности к гетерогенности; 4) от текучести к стабильности. В основе механизма социальной эволюции лежат три фактора: 1) неравенство людей (по происхождению, собственности, способностям и др.), что рождает социальную дифференциацию; 2) существование тенденции к усилению неравенства; 3) стремление людей, занимающих одинаковое положение, к объединению, что ведет к появлению социальных групп, которые начинают охранять свое особое положение. Все это делает невозможным возврат к гомогенности.

В той или иной степени социология права также восприняла идею эволюции как некую универсальную форму развития политико-правовых институтов.

Представители классического эволюционизма (Г. Спенсер, Э.Б. Тайлор, Л. Морган, Э. Дюркгейм, Ф. Теннис, Л.Ф. Уорд) придерживались ряда общих положений, которые использовались (и еще используются) при рассмотрении государства, политики и права. Базовый тезис – единство человечества и его истории, которое представляет собой цепь закономерных, следующих друг за другом этапов. В результате развития социальной антропологии и этнологии возникло представление, согласно которому историю ранних периодов жизни человечества можно реконструировать,

изучая современные примитивные общества. Делалось допущение, что эволюция современных архаических этносов по каким-то объективным причинам была заторможена и в будущем они догонят более развитые народы.

Хотя тезис о единстве человеческой истории и до настоящего времени продолжает оставаться дискуссионным, в XIX и XX вв. он привел к формированию европоцентризма – позиции, согласно которой государство, право, политический режим, институты семьи и собственности, быт и образ жизни европейцев выступают эталоном, нормой. Всякое отклонение от образца объявлялось отсталостью, с которой необходимо бороться. Государство, право, правовая культура в целом стран Азии, Африки, Латинской Америки, утверждают эволюционисты, прогрессивно развиваются в сторону демократии и правового государства, но с большими или меньшими задержками. Отсюда умаление ценности национальной политико-правовой самобытности, нежелание изучать объективно и отстраненно неевропейские модели власти и права.

С точки зрения классического эволюционизма государство и право феодальной Европы сменяются более совершенными буржуазными аналогами. Действительно, по многим позициям современные государство и право на Западе отличаются большей силой, эффективностью, делают жизнь человека более безопасной и комфортной. Вместе с тем политико-правовые институты феодальной и современной Европы трудно сравнивать, так как культура, быт и сословное устройство средневекового общества требовали именно того типа государства и права, который тогда установился, он был оптимальным. Классический эволюционизм с его идеей “кумулятивного роста” (последовательное наращивание чего-либо) такие “нюансы” не учитывал.

Социальный эволюционизм XIX – первой половины XX вв. в значительной степени опирался на учение Ч. Дарвина. В классическом и постклассическом эволюционизме всегда была сильна биологизаторская тенденция, которая пыталась свести законы развития общества к биологическим закономерностям естественного отбора. Если предметом внимания Ч. Дарвина был естественный отбор в мире животных и растений, то социологи данную концепцию максимально расширили, придав ей форму борьбы народов и рас, а также идей, ценностей, норм, институтов и национальных культур.

За всю историю своего существования социалдарвинизм навлек на себя потоки критики (часто

справедливой), что, правда, не особенно снизило интерес к его идеям. Для социологии права, например, перспективной представляется тема естественного отбора социальных норм, конфликт права с другими социальными регуляторами. Так, представители эволюционной этики (Л. Стефен, Э. Эванс, У. Беджгот, Л.Т. Хобхаус, П.А. Кропоткин) утверждали, что человеческая мораль возникает как результат жесткого отбора норм, способных обеспечить выживание человеческого коллектива. Мораль – это не просто проявление “высокого этического духа”, она диктуется природной необходимостью. Нормы морали – те же законы природы, хотя и прошедшие через механизм культурной адаптации.

Яркий пример естественного отбора норм – мораль зеков, лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Примечательно, что мораль зеков стала интенсивно формироваться именно в советские времена, когда “архипелаг Гулаг” создал условия для узников, зачастую несовместимые с жизнью. Ад советских лагерей, с ужасающей простотой воспроизведенных в “Колымских рассказах” В. Шаламова, рождал точно такую же жестокую мораль. Мораль зеков – в своей основе “воровская мораль”, т.е. нормы, выработанные профессиональными преступниками, “ворами в законе”. Эта мораль направлена на поддержание порядка, выгодного прежде всего воровским авторитетам, она оскорбляет достоинство человеческой личности, порой фактически низводит человека до раба, допускает в качестве санкций изощренные издевательства и убийство. Но вместе с тем эта воровская мораль часто оказывается единственно возможным способом организации осужденных на зоне. Чтобы навести порядок в среде закоренелых преступников, чтобы противостоять незаконному насилию администрации лагеря, чтобы выжить в бесчеловечных условиях, необходима именно такая мораль. Нормы зековской морали вытесняют на зоне все остальные, включая нормы права. В борьбе за выживание естественный отбор ведет к победе “воровской морали”.

Естественный отбор наблюдается и в сфере права. Социологи права давно установили несоответствие между нормами и их реализацией. Всегда, утверждают они, существуют различия между текстом закона и его применением, между нормой права и фактическим поведением людей, между целью закона и фактическими последствиями его применения (Р. Паунд). Иначе говоря, общество, государство, правоохранительные органы, сама практика отбирают те нормы, кото-

рые действительно могут работать, фактически регулировать общественные отношения.

Другая сторона проблемы несоответствия между нормами и их реализацией состоит в том, что в сфере реализации права власть фактически творит свое новое право, которым и руководствуется. Так, пресловутые “ножницы” между нормами и их применением в России вызваны по большей части тем, что демократические нормы Конституции РФ показывают свою неспособность регулировать общественную жизнь в стране. Если предположить, что все нормы нашей Конституции о правах и свободах человека, о федерализме, о местном самоуправлении, о разделении властей и независимости суда начнут работать в полной мере, в среднесрочной перспективе наше государство, возможно, прекратит свое существование. Правовая культура и правосознание нашего народа требуют каких-то других норм. Отсюда – особая роль подзаконных актов и особенно норм, фактически сложившихся в сфере управления страной. Борьба за выживание, инстинкт самосохранения, естественный отбор делают свое дело: прекраснотушные нормы Конституции и законов вытесняются нормами, действительно вырастающими из гуци народной жизни. Оставляем в стороне содержание этих фактических норм, здесь важно только то, что они – работающие нормы. Данные выводы – не идеология, не пропаганда, не ценностные суждения, а констатация факта с точки зрения социологической науки.

Две мировые войны, тоталитарные режимы, слабое восприятие или даже отторжение демократических ценностей неевропейскими народами – все эти явления XX в. продемонстрировали нелинейность, стагнацию или регресс социальных процессов. Практика последнего столетия поставила под сомнение многие положения классического эволюционизма вплоть до его полного отрицания. Только в 50-х годах XX в. эволюционная теория возрождается в виде “неоэволюционизма”, который сделал существенные отступления от ранее выдвинутых положений. “В результате неоэволюционизм заметно дистанцируется от классического эволюционизма. Во-первых, центр научных интересов смещается от эволюции человеческого общества в целом к процессам, протекающим в отдельных цивилизациях, культурах, сообществах (племенах, национальных государствах и т.д.). Во-вторых, основное внимание направляется на причинный механизм, а не на последовательность необходимых стадий. Другими словами, главное значение придается объяснению, а не типологическим схемам. В-третьих, при

анализе эволюции используются категориальные, описательные термины, что же касается оценок и аналогий с прогрессом, то их стараются избегать. В-четвертых, сторонники этого направления формируют свои взгляды в виде гипотез, предположений, а не прямых утверждений. В-пятых, изучая социальную эволюцию, ученые принимают в расчет достижения биологических наук”⁹.

Человечество едино и развивается в целом поступательно, продолжали утверждать неоэволюционисты, но оно разбито на различные народы и государства, имеющие свои собственные векторы развития. Далеко не все страны и народы проходят одни и те же стадии развития, история движется не только путем постепенного накопления духовных и материальных ценностей, но часто скачкообразно в сторону как прогресса, так и регресса. Эволюция социальных институтов имеет не столько спонтанный, независимый от человека характер, сколько осуществляется благодаря активному его вмешательству. Органическое восприятие общества и государства было дополнено пониманием их конфликтности, полярности интересов различных социальных сил.

Учет всех этих и других теоретико-методологических поправок благотворно сказался на научных исследованиях в области общей социологии и социологии права. Так, в теоретико-правовой науке (в известном смысле социологию права можно считать ее частью) прочное место заняла тема о цивилизационной типологии государства и права. Цивилизационный подход, придя из философии, стал полноценным средством в арсенале методологии социолого-правовой науки. Выявление закономерностей эволюции внутри относительно замкнутых правовых и политических систем позволит полнее осмыслить многомерность и разноплановость феномена политико-правового развития.

Другая основная концепция социального развития – исторический материализм – имеет с эволюционизмом некоторые общие корни. Просветительская философия дала и эволюционизму, и марксизму идею единства человечества и его прогрессивного развития, а европейская историческая наука – представление о поступательных стадиях и углублении социальной дифференциации. Принципиальное отличие от эволюционизма состояло в том, что марксизм (под влиянием диалектики Гегеля) ввел идею скачкообразного, революционного развития мира. По сравнению

⁹ Штомпка П. Социология социальных изменений. С. 152, 153.

с эволюционизмом, трактовавшим историю как результат слепой объективной закономерности, марксизм отводил значительно большую роль субъективному фактору – революционному классу (прежде всего пролетариату). Капитализм, утверждали основоположники марксизма, не рождает внутри себя социализма, он лишь создает условия для его возникновения. Поэтому необходима воля революционного класса, которая силой свергнет власть буржуазии и, используя диктатуру, начнет строить новое общество.

Методологические возможности исторического материализма в социолого-правовых исследованиях убедительно показали К. Маркс и Ф. Энгельс. Они доказали связь политико-правовой надстройки с другими социальными факторами, в первую очередь – с экономикой. Государство и право, полагали они, есть институты классового господства, средство защиты материальных интересов господствующих классов. В своих работах К. Маркс детально проследил механизм связи рыночной экономики и буржуазной демократии, а Ф. Энгельс в своем известном труде – стадии происхождения государства в связи с дифференциацией общества и борьбой классов.

Одна из выдающихся идей К. Маркса – роль активной творческой личности в деле формирования направления истории и построения нового общества, а значит, и нормативно-властных институтов. Человек и общество, стремясь преодолеть отчуждение друг от друга, должны подняться на новый уровень своего развития и стать подлинно свободными в своем социальном бытии. Следствием такого процесса будут отмирание государства и изменение природы права.

Сегодня, после краха режимов “реального социализма”, марксизм на Западе и у нас зачастую низведен либо до плоской радикальной идеоло-

гии завистливых маргиналов, либо до наивной, но вредной утопии. Насаждается либеральная идея о ценности государства и права, их высоком нравственном значении и важной социальной роли. Ценность марксизма – в том, что он показал неизбежный конфликт между личностью, с одной стороны, и государством и правом – с другой. Для социолога права важно понимать, что человек, нуждаясь в праве и государстве, одновременно испытывает (осознанно и инстинктивно) к этим институтам страх и ненависть. Несомненный факт, что типичный обыватель стран Запада видит в современном цивилизованном правовом государстве врага, сковывающего его свободное развитие. Экзистенциализм и фрейдизм многократно подтвердили тезис марксизма, что буржуазное государство и право воспринимаются населением как репрессивные орудия. Законопослушность народов Запада можно оценить не только как следствие высокой правовой культуры и организованности, но также как потерю ими воли к свободе, творчеству и самобытности. Средний обыватель низведен до уровня банального автомата, механически выполняющего команды власти.

В заключение следует подчеркнуть, что категории изменения и развития, сыгравшие заметную роль в формировании теоретической социологии права, обладают большим потенциалом и в социологии права. В настоящее время категории, характеризующие мобильность политико-правовых институтов, далеко не в полной мере используются учеными. Социологи-юристы, ограничившись изучением правотворчества и правоприменения, оставляют функционирование государства и права в широком социологическом контексте на периферии своего внимания. Необходимо расширять диапазон социологии права, осваивать ее новые направления.